

Мигранты в Москве: угрозы истинные и мнимые¹

Перемещение мигрантов в инокультурную среду предполагает, что они будут вынуждены определенным образом строить взаимоотношения с принимающим населением. Характер этих взаимоотношений является одним из важнейших факторов, позволяющих определить направление адаптационных стратегий мигрантов. Таким образом, огромное значение для успешности адаптации мигрантов имеют ожидания и отношение к ним со стороны принимающего населения. В этой статье мы сосредоточим основное внимание на принимающем населении Москвы – русских.

Крупный город – сложнейшая полиэтническая система, в которой различные этнические группы занимают определенные ниши, создавая в норме такой баланс, который ведет город к экономическому и культурному процветанию. Любая система характеризуется наличием т.н. «системообразующего фактора» - самого основного, без которого бы система не существовала. В системе межэтнического взаимодействия Москвы, таким фактором является русское население. Его установки и ожидания во многом определяют баланс взаимоотношений, складывающихся в данной системе.

По свидетельству специалистов к середине первого десятилетия 2000-х гг. в Москве уже практически не осталось тех, кто не заметил бы расширившегося притока в Москву иноэтнического населения. Если в 1997 г. 87% русских москвичей утвердительно ответили на вопрос о том, замечали ли они в последнее время появление в Москве большого числа нерусских приезжих, то в 2006 г. - уже 98% (Остапенко, Субботина, 2007).

Как относились москвичи к инокультурным мигрантам? Этносоциологические исследования свидетельствуют о том, что отношение было не слишком позитивным и довольно предубежденным (Попков, 2003). Исследования последних лет устойчиво фиксировали негативное отношение к усилившейся миграции в Россию иноэтнического населения, как со стороны москвичей (Остапенко, Субботина, 2007). На основе материалов социологических опросов, проведенных в начале 2000-х гг. Центром миграционных исследований, был сделан вывод о том, что население России страдает мигрантофобией (Бадыштова, 2005).

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ проект № 08-06-00702а «Взаимные установки и стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения».

Материалы социологического опроса 2006 г. в целом подтвердили это заключение: среди русских москвичей преобладала группа людей (57%), в той или иной мере отрицательно настроенных на возросший в последние годы приток в Москву приезжих, причем почти четверть относилась к этому явлению крайне негативно и лишь 3% - положительно и скорее положительно (Остапенко, Субботина, 2007). В то же время, авторы отмечают, что зародившаяся еще в 1990-х гг. прошлого века тенденция к практически ежегодному приросту относительного числа москвичей, недовольных миграцией, в настоящее время приостановила свое действие. Авторы обнаружили среди москвичей сравнительно крупную (в пределах 40%) группу людей, не испытывающих неприязни к пришлому населению, что, с их точки зрения, может свидетельствовать о наступлении некоторой стабилизации в отношениях между русским населением Москвы и инокультурными мигрантами.

Наличие негативных социальных представлений о мигрантах опасно не только для самих мигрантов, но и для принимающего населения. Установки принимающего населения могут иметь эффект бумеранга, который определяется в народе пословицей: «назовут свиньей и захрюкаешь». Мигранты могут бессознательно воспроизводить те паттерны, которых от них ожидает принимающее население. Важно, чтобы у двух сторон была сформирована готовность к конструктивному взаимодействию. У мигрантов – узнавать и принимать «правила игры» (нормы поведения в той среде, куда они приехали). А у коренного населения должна быть готовность «разъяснять» эти «правила». Естественно, я имею в виду, специальные программы по интеграции мигрантов в жизнь мегаполиса. Конечно же, бессмысленно просто говорить, что все должны быть толерантными или, что все должны любить друг друга. Что может способствовать формированию позитивных межгрупповых отношений с мигрантами? В условиях инокультурной миграции – это так называемое «воспринимаемое сходство».

Известный кросс-культурный психолог Г. Триандис писал, что «воспринимаемое сходство» способствует принятию других людей, в т.ч. и представителей других культур (Триандис, 2007). То есть чем больше мигранты воспринимаются представителями коренного населения, как похожие на них, тем больше они принимаются коренным населением. Когда мигрант ведет себя так же, как ведут себя коренные жители, также говорит и мало чем от них отличается, тогда отношение будет к нему как к «своему». Какие же факторы способствуют росту воспринимаемого сходства? Гарри Триандис приводит следующие.

- Чем больше разговорных навыков другой культуры, тем больше воспринимаемое культурное сходство. Очевидно, что люди, которые могут разговаривать на нашем языке, кажутся нам более похожими на нас, чем те, которые его не знают.
- Чем выше уровень взаимных социальных связей с другой личностью, тем выше степень воспринимаемого сходства, поскольку, чем больше у двух людей общих признаков, включая друзей и знакомых, тем больше они склонны воспринимать друг друга похожими.
- Чем меньше статусно-ролевых различий при контактах двух людей, тем сильнее воспринимаемое сходство.
- Чем выше стоящие перед людьми общие цели, тем больше воспринимаемое сходство. Естественно, любые общие элементы (возраст, пол) будут усиливать воспринимаемое сходство, но цели особенно важны.
- Воспринимаемое сходство вместе с возможностью контактов усиливает вероятность положительной оценки ситуаций межличностного взаимодействия (Триандис, 2007, стр. 297-298).

Помимо несходства другим, фактором, обуславливающим негативное отношение к мигрантам, может быть так называемая «воспринимаемая угроза». То есть реальной угрозы от мигрантов может и исходить – она будет мнимая, просто будет воображаться и передаваться по каналам межличностного общения представителями принимающего населения. Наиболее полно феномен воспринимаемой угрозы был рассмотрен в теории интегральной воспринимаемой угрозы У. Стефан и К. Стефан. Данные авторы рассмотрели и проанализировали все виды угроз, которые могут ощущаться при контакте с представителями инокультурных групп и объединили их в т.н. «интегральную угрозу». Рассмотрим эту теорию подробнее.

Базовая модель У. Стефан и К. Стефан включает в себя четыре типа угроз, которые, с их точки зрения, играют важную роль в образовании предрассудков и предубеждений. Эти типы следующие: реалистическая угроза, символическая угроза, межгрупповая тревожность и негативные стереотипы.

Реалистическая угроза со стороны аутгрупп – это угроза политической и экономической самостоятельности ингруппы (собственной этнической группы) например, военная угроза, и угроза физическому или материальному благополучию ингруппы и ее представителей (например, их здоровью). При этом в отличие от других теорий, касающихся угрозы (например, реалистической теории конфликта Ле Вайна и Кемпбелла), авторы теории интегральной угрозы уделяют значительное внимание

воспринимаемым реалистическим угрозам, потому что восприятие угрозы может вести к предубеждениям, независимо от того, действительно ли угроза является «реальной».

Символическая угроза – прежде всего, касается воспринимаемых групповых различий в нормах, ценностях, стандартах, верованиях и установках. Символические угрозы - это, прежде всего, угрозы мировоззрению группы. Эти угрозы возникают, потому что представители ингруппы (своей группы) верят в моральную справедливость и универсальность собственной системы ценностей. Примером может служить исследование (Esses, Haddock, and Zanna, 1993 [цит. по: Stephan & Stephan, 2000]), авторы которого показали, что чем в большей степени ценности, обычаи, традиции ингруппы подвергаются блокированию со стороны аутгруппы (внешней, чужой группы), тем в большей степени будут негативны ингрупповые установки по отношению к аутгруппе.

Межгрупповая тревожность - согласно У. Стефан и К. Стефан люди во время межгруппового взаимодействия всегда подвержены субъективному чувству тревоги и беспокойства, потому что боятся негативных последствий для себя.

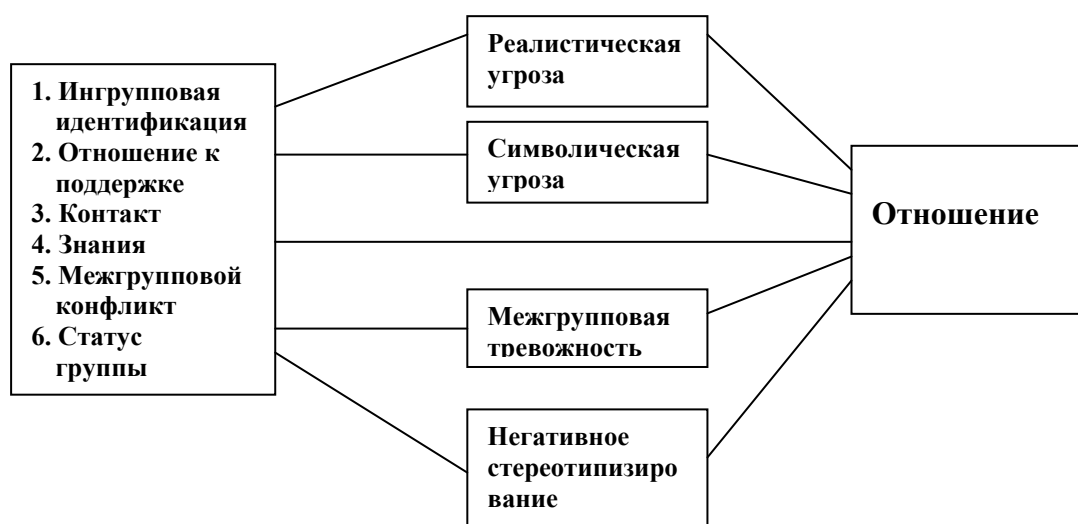
Негативные стереотипы. Авторы теории указывают на то, что стереотипы во многом отражают степень воспринимаемой угрозы со стороны внешней группы, поскольку основная функция стереотипов, заключается в регуляции собственного поведения при взаимодействии с членами аутгрупп (внешних, других групп). Сущность угрозы – это страх негативных последствий, который создается негативными стереотипами.

Четыре приведенные вида угроз используются в теории интегральной воспринимаемой угрозы для объяснения *отношения к членам аутгрупп*. Авторы выверяли данную теорию на представителях многих этнических групп.

В результате к первоначальной модели добавились факторы более высокого порядка. Оказалось, что все четыре вышеуказанных компонента воспринимаемой угрозы в свою очередь зависят от следующих факторов: силы идентификации с собственной группой, отношения личности к социальной поддержке членов аутгрупп (меньшинств), реального контакта между группами, уровня знаний о членах аутгрупп, наличия конфликтов в прошлом между группами и соотношения статусов групп (рис.1) (Stephan & Stephan, 2000).

Рис. 1. Модель теории интегральной воспринимаемой угрозы

(источник: Stephan & Stephan, 2000, p. 37).

Сильная инtragруовая идентификация может повысить отчетливость всех четырех типов воспринимаемой угрозы. То есть люди, которые сильно идентифицируют себя со своей инtragруовой, в большей степени склонны видеть угрозу со стороны аутгрупп, чем люди, чья идентичность в меньшей степени связана с членством в группе.

Отношение личности к социальной поддержке членов аутгруппы. Чем негативнее личность относится к политике поддержки членов аутгрупп, тем выше у нее степень воспринимаемой угрозы.

Контакт между группами. Чем больше позитивных контактов между группами, направленных на конструктивное взаимодействие, тем ниже воспринимаемая угроза. И, наоборот, с повышением частоты негативного опыта взаимодействия возрастает степень воспринимаемой угрозы.

Уровень знаний о членах аутгрупп. Когда представители инtragруппы имеют мало знаний относительно представителей аутгруппы, они склонны воспринимать такую группу, как чем-то угрожающую им и опасаться ее. «Если страх - отец предубеждений, то невежество можно называть их дедом» (Stephan & Stephan, 2000, p. 38).

Наличие конфликтов в прошлом между группами. Межгрупповой конфликт, вероятно, наиболее сильная причина предубеждений. Конфликт необязательно может

быть актуальным, это могут быть конфликты в прошлом, которые служат фоном при формировании межгрупповых отношений. Если предшествующий конфликт был сильным, то восприятие всех четырех видов угроз, вероятно, будет повышено.

Статусы групп. Восприятие угрозы может зависеть от статуса или доминирования групп. И высокостатусные и низкостатусные группы могут воспринимать другие группы как угрожающие, но по различным причинам. Высокостатусная группа опасается именно за свой статус, беспокоясь, что другая группа будет стремиться к власти над нею. Представители низкостатусных групп могут испытывать тревожность при взаимодействии с представителями высокостатусных групп, что может являться причиной негативных стереотипов (Stephan & Stephan, 2000).

Итак, теория воспринимаемой угрозы показывает, что для возникновения предубеждений и интолерантных установок совсем не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. Негативное отношение к представителям аутгрупп помимо реального конфликта может быть обусловлено другими субъективными факторами: групповой идентичностью, низким уровнем знаний о членах аутгрупп, соотношением статусов групп, которые ведут к межгрупповой тревожности и субъективно воспринимаемой угрозе со стороны членов аутгрупп. Основываясь на данной теории можно предположить, что воспринимаемая угроза у принимающего населения возникает таким же образом. Для возникновения ощущения угрозы реальные угрожающие действия со стороны мигрантов необязательны. Достаточен факт различия в нормах и ценностях групп, специфике групповой идентичности – это может привести к негативным стереотипам и воспринимаемой угрозе.

В своем исследовании мы сосредоточились не только на изучении воспринимаемой угрозы, а еще и оппозитивного явления – *базового чувства безопасности* коренного населения. Причем мы рассмотрели три компонента безопасности: физическую, культурную и экономическую. Воспринимаемая угроза тоже рассматривалась, только как целостное явление, без деления на компоненты.

В теории интегральной воспринимаемой угрозы упоминается понятие группового статуса. Рассмотрим данное явление подробнее. Исследователи выделяют *объективный* и *субъективный* этнический статус (Савва, 1997). Это связано с тем, что статус определяется объективными и субъективными факторами. К объективным факторам относятся: включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образовательный уровень (Малхозова, 1999). Среди

субъективных факторов можно назвать: самооценку этноса в целом (то есть позитивность-негативность идентичности), а также восприятие его другими этноконтактными группами. Низкий этнический статус, естественно, будет приводить к низкой самооценке и негативной этнической идентичности группы.

Эмпирическое исследование проблемы этнического статуса на Кубани и Северном Кавказе выполнено отечественным политологом и этносоциологом М.В. Саввой (Савва, 1997), который указывал на то, что этнические стереотипы связаны с этническим статусом группы и этнический статус является по сути системой авто- и гетеростереотипов. Негативные стереотипы помогают оправдывать экономическое и социальное превосходство тех, кто сосредоточил в своих руках богатство и власть. Изучив взаимные этнические стереотипы групп, проживающих на Северном Кавказе, М.В. Савва сделал вывод о низком этническом статусе русских.

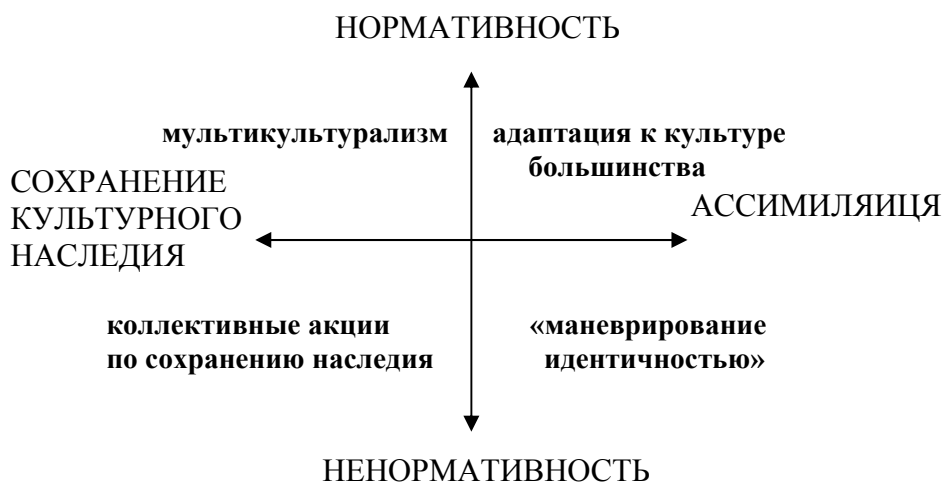
Исследование М.В. Саввы, проведенное в 90-х годах (Савва, 1997), обнаружило интересный факт: русские очень часто приписывали представителям этнических меньшинств такое качество, как «сплоченность». При этом сами представители меньшинств данное качество русским не приписали ни разу. При этом русские видят эту характеристику скорее в негативном свете, так как им не нравится социальная успешность и активность некоторых групп мигрантов. Эти результаты хорошо согласуются с интегральной теорией воспринимаемой угрозы (Stephan & Stephan, 2000) и подтверждают ее - этническое большинство воспринимает сплоченность и активность меньшинств как угрозу своему социальному статусу.

Конечно же, субъективная этностатусная иерархия не говорит о каких-либо превосходствах одной группы над другой. Большинству людей, для того чтобы понять, как взаимодействовать с другим человеком важно понять какое место он занимает в системе общества. При этом иерархическое структурирование наиболее простое для нашей когнитивной (познавательной) сферы. Не нужно использовать многомерные сравнения – просто всех можно выстроить в линейку по вертикали. Такое же происходит часто у многих при взаимодействии, скажем, с коллегами (оставляем за скобками вопрос о плюсах и минусах такого иерархического взаимодействия). Российская культура о своей сути иерархична, поэтому эти феномены хорошо «работают» и при восприятии представителей иноэтнических групп. Этнокультурные иерархии в сознании представителей разных этнических групп могут значительно отличаться.

В нашем исследовании субъективная этностатусная иерархия оценивалась с помощью методики Дж. Берри с коллегами, которая называется «Градусник». Описание методики см. в разделе «Методика».

Наконец, последний вопрос, на котором стоит кратко остановиться – вопрос о стратегиях взаимодействия принимающего общества с мигрантами. В настоящее время наибольшее внимание многих авторов уделяется рассмотрению стратегий взаимодействия мигрантов с представителями принимающего большинства. В предыдущих статьях данной книги уже упоминались стратегии, выделенные Дж. Берри – ассимиляция, маргинализация, интеграция, сепарация (Кросс-культурная психология, 2007). Однако существуют и другие модели. Ф. Мохаддам предложил модель «интеграционных стратегий», используемых мигрантами для улучшения своего положения в принимающей культуре (Moghaddam, 1988). Данная модель, основана на двух измерениях: первое характеризует отношение к прежней и новой культуре (то есть, в нем объединены оба измерения Дж. Берри), а второе – степень приемлемости данной стратегии для принимающей культуры (рис. 2).

Рис. 2. Модель интеграционных стратегий Ф. Мохаддама
(приводится по: Павленко, 2001)

Ф. Мохаддам выделяет три сферы жизни мигрантов: частную жизнь; жизнь в пределах этнического сообщества, где преобладают нормы и ценности «родной» культуры; общественную жизнь, где господствуют новые нормы и ценности принимающей культуры. *Полюс ассимиляции* означает, что мигрант придерживается норм и ценностей новой культуры, а также стремится использовать новый язык даже в частной жизни. Нахождение на противоположном *полюсе «сохранение культурного*

наследия» означает, что мигрант стремится к использованию родного языка, сохранению норм и ценностей родной культуры даже в общественных институтах принимающего государства.

Континуум *нормативность-ненормативность* интеграционных стратегий характеризует степень соответствия стратегий межэтническому соотношению сил, установившемуся на данный момент. Стратегии считаются нормативными, если они не нарушают гармонии в принимающей культуре, а чем более они способствуют изменениям межэтнической ситуации, тем более они считаются ненормативными (блокирование выборов, бойкоты, демонстрации протеста и т.д.). На основе данной модели Ф. Мохаддам выделяет 4 интеграционные стратегии (Moghaddam, 1988).

1. Стратегия «Адаптивность к культуре большинства» соответствует квадранту «нормативность/ассимиляция». В модели Дж. Берри данная стратегия будет соответствовать стратегии «Ассимиляции».

2. Стратегия «Мультикультурализма» соответствует квадранту «нормативность/сохранение культурного наследия». Эта стратегия признается в настоящее время довольно эффективной и соответствует национальной идеологии отдельных государств, например, Канады. В модели Дж. Берри эта стратегия будет соответствовать стратегии «Интеграции».

3. Стратегия «Маневрирование идентичностью» находится в квадранте «ассимиляция/ненормативность». Ассимиляция в ненормативном варианте означает формальное принятие норм и ценностей большинства, при реальной и искренней приверженности ценностям и нормам «родной культуры». То есть это стратегия *демонстрации* приверженности нормам и ценностям, которые наиболее выгодны в настоящий момент. Идентичность мигранта, использующего стратегию «маневрирования идентичностью» напоминает феномен, называемый другими авторами «ситуативной идентичностью». То есть в тех ситуациях, когда удобнее казаться представителем большинства, индивид демонстрирует приверженность атрибутам культуры большинства, когда же предпочтительнее выглядеть представителем этнического меньшинства, он демонстрирует приверженность ценностям и нормам собственной культуры. В модели Дж. Берри нет соответствующей стратегии.

4. Стратегия «Коллективные акции по сохранению наследия» соответствует квадранту «сохранение культурного наследия/ненормативность». Сохранение культурного наследия в его ненормативном варианте означает не просто стремление к сохранению культурных норм и традиций, но и действия, направленные на изменение

той актуальной межэтнической ситуации, которая сложилась на данный момент в обществе. Данная стратегия отчасти напоминает стратегию «сепарации» Дж. Берри в ее «усиленном» варианте.

Следует еще раз отметить, что все вышеописанные типологии стратегий были разработаны в рамках психологии аккультурации и характеризуют *только* отношение этнических меньшинств, представленных мигрантами к представителям доминирующей культуры.

У Дж. Берри существует и вариант стратегий отношения к мигрантам для *представителей принимающего общества*. В данной книге они уже частично упоминались.

1. «Мультикультурализм» - наиболее конструктивная стратегия позволяющая мигрантам быть принятыми в обществе и сохранить свою культуру.

2. «Плавильный котел» - ассимиляционистская концепция, бывшая популярной в США в прошлом веке. В соответствии с этой стратегией принимающее общество «перемалывает» мигрантов, они утрачивают свою исходную культуру и идентичность.

3. «Исключение» - создание гетто, изоляция мигрантов от коренных жителей, отторжение мигрантов из культурной и экономической жизни общества.

4. «Сегрегация» - мигранты сами стремятся изолироваться от коренных жителей жить самостоятельно, сохраняя свою культуру (Кросс-культурная психология, 2007).

Изучая отношение коренного населения г. Москвы к мигрантам, мы работали в рамках данной модели, используя методику Дж. Берри.

Итак, в рамках данной статьи мы попытаемся найти ответы на следующие вопросы.

1. Как воспринимает русское население Москвы инокультурных мигрантов?
2. Насколько велика воспринимаемая угроза для русских со стороны мигрантов?
3. К чему может привести рост воспринимаемой угрозы принимающего населения?
4. Каково соотношение стратегий (по Дж. Берри), характеризующих отношение русских, как принимающего населения, к мигрантам?

Методика исследования

Выборка. В исследовании приняли участие русские респонденты, жители г. Москвы - всего 451 человек. Средний возраст респондентов - 22,6 года. Выборка включала 146 мужчин и 305 женщин и состояла, преимущественно, из студентов.

Инструментарий исследования. Методика включала ряд шкал из опросника, разработанного Дж. Бери для изучения взаимных установок доминирующего населения и мигрантов в мультикультурном обществе. Для опроса русских использовалась версия опросника, предназначенного для работы с доминирующим населением. В рамках описанного ниже исследования, анализу подлежали следующие шкалы.

1. Шкала оценки интегральной безопасности. Индекс по данной шкале рассчитывается как среднее арифметическое 3-х субшкал, оценивающих, в свою очередь, три вида безопасности, являющихся составляющими интегральной: *культурную, экономическую и физическую*. Для оценки каждого из трех указанных видов безопасности подсчитывались средние значения ответов по 5-и балльной шкале на соответствующие вопросы. Каждый вид безопасности оценивался при помощи ответов на четыре вопроса.

2. Методика оценки стратегий, характеризующих отношение к мигрантам со стороны представителей доминирующей группы. Оценивались 4 стратегии: «Сегрегация», «Исключение», «Мультикультурализм», «Плавильный котел». Индекс, характеризующий степень предпочтения каждой из 4-х стратегий, вычислялся как среднее арифметическое 4-х вопросов, согласие с каждым из которых нужно было выразить в соответствии 5-балльной шкалой. Данная методика содержит как прямые, так и обратные вопросы.

3. Интегральная безопасность. Индекс данной шкалы рассчитывался как среднее арифметическое ответов на пять утверждений. При ответе нужно выразить степень согласия или несогласия с утверждениями в соответствии с 5-и балльной шкалой. Примеры утверждений: «Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к русским», «Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности» и.т.д..

4. Шкала оценки мигрантофобии. Показатель мигрантофобии вычисляется как среднее арифметическое ответов на 11 утверждений. При ответе нужно выразить степень согласия или несогласия с утверждениями в соответствии с 5-и балльной шкалой. Примеры утверждений: «В окружении людей разных национальностей российские дети вырастут без твердой культурной основы», «В результате роста миграции в России увеличится безработица» и.т.д.

5. Методика оценки установок на социальное равенство и этническую толерантность. Данная методика содержит 2 субшкалы, позволяющие оценить этническую толерантность респондента и степень выраженности его установок на социальное равенство. Индекс по каждой из субшкал вычисляется как среднее арифметическое ответов на шесть вопросов.

6. Методика оценки отношения к представителям окружающих иноэтнических групп («Градусник»). Респондентам давалось следующее задание: **«Просим Вас использовать шкалу, подобную термометру, для выражения вашего отношения. Этот термометр имеет деления от 1 до 100. Если у Вас, в целом, благоприятное отношение к какой-либо группе, Вы присуждаете ей любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и, наоборот, при неблагоприятном отношении Вы присуждаете группе от 0 до 50 «градусов» (в соответствии со степенью Вашего неприятия)».** Этнические группы для оценки респонденты указывали сами – те, которые вспомнят, но не более 10.

Результаты исследования отношения русских жителей Москвы к инокультурным мигрантам

При анализе данных мы следовали определенной схеме, стремясь ответить на ряд следующих вопросов.

1. Каковы средние значения показателей по всем методикам? Ответ на этот вопрос позволит понять, во-первых, стратегии поведения русских по отношению к мигрантам; во-вторых, оценить интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу у русских; и, в-третьих, оценить установки русских по отношению к мигрантам.

2. Каковы связи показателей, характеризующих интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу русских с их отношением к мигрантам (установками и стратегиями)? Ответ на этот вопрос позволит понять, и в определенной степени спрогнозировать, основные тенденции, которые могут иметь место при изменении интегральной безопасности принимающего населения.

3. Чем отличаются друг от друга люди, характеризующиеся разными уровнями интегральной безопасности? В принципе, данный вопрос является определенным дополнением к вопросу 2. Мы сможем глубже понять основные тенденции, которые могут иметь место при изменении интегральной безопасности принимающего населения.

4. Какова этностатусная иерархия глазами русских? Кого и в какой степени они принимают? Ответ на данный вопрос позволит нам понять отношение русских к

представителям различных этнических групп и увидеть этностатусную иерархию глазами принимающего населения.

1. Средние значения показателей по всем методикам

На начальном этапе анализа вычислялись средние арифметические по всем шкалам. В таблице № 1 приводятся средние значения показателей по всем методиками, все шкалы 5-и балльные, то есть минимум – 1 балл, максимум – 5 баллов.

Табл. 1. Средние значения показателей по всем методикам

Показатели	Среднее значение
Культурная безопасность	3,1
Экономическая безопасность	2,9
Физическая безопасность	2,9
Интегральная безопасность	3,0
Воспринимаемая угроза	1,9
Мигрантофобия	3,4
Этническая толерантность	3,3
Сегрегация	2,2
Исключение	1,7
Мультикультурализм	4,1
Плавильный котел	2,0

Значения трех видов **безопасности** (экономической, культурной и физической) и, как результирующая, интегральная безопасность, показывают, что она находится у русских на среднем уровне (около 3-х баллов). Этот говорит о том, что русские, как принимающее население, не испытывают полного чувства уверенности за свою безопасность в поликультурной среде. Из всех трех компонентов интегральной безопасности наибольший балл получила культурная (3,1 балла), что не является высоким показателем. Наименьший балл получили физическая и экономическая безопасность.

Воспринимаемая угроза у русских повышена (1,9 балла из 5-и максимальных), но нельзя сказать, что она очень высокая. Эти результаты говорят о том, что русские в присутствии мигрантов ощущают тревогу и могут чувствовать себя в безопасности. Но

если попытаться оценить реальную угрозу, исходящую от мигрантов, то ее практически нет.

Таким образом, мы можем заключить, что русские Москвы, как принимающее население не обладают базовым чувством безопасности в ситуации притока инокультурных мигрантов. Особенно низки физическая безопасность (отсутствие опасения за свое здоровье) и экономическая безопасность (отсутствии боязни сильной конкуренции за рабочие места). Культурная безопасность (уверенность в сохранности собственной культуры) тоже страдает, но меньше. Эти данные, в сочетании с невысокими показателями воспринимаемой угрозы свидетельствуют в пользу того, что принимающее население испытывает повышенную тревожность при притоке инокультурных мигрантов, особенно опасается за физическую и экономическую безопасность. Но *реальной* угрозы, исходящей от мигрантов практически нет.

Мигрантофобия и этническая толерантность. Данные по этим шкалам немного выше срединных значений – мигрантофобия - 3,4 балла (из 5-и возможных), этническая толерантность 3,3 балла (из 5-и возможных). Эти результаты говорят о том, что мигрантофобия принимающего населения несколько повышена. Этот показатель, вероятно, связан с воспринимаемой угрозой (и дальше эта гипотеза нашла подтверждение). Принимающее население несколько опасается мигрантов. Однако повышенная мигрантофобия сопряжена с, пусть не высокой, но и не низкой толерантностью русских. У этого феномена есть два объяснения. Во-первых, принимающее население действительно толерантно к мигрантам – иначе бы они не ехали в Москву и не адаптировались здесь (преимущественно речь идет об экономической адаптации) весьма успешно. Во-вторых, на вопросы, связанные с этнической толерантностью, большинство людей стараются отвечать «правильно», т.е. так, чтобы продемонстрировать свою толерантность. Однако такая толерантность существует на *когнитивном* (познавательном) и часто на, *поведенческом*, уровне диспозиций личности, но принятия мигрантов на *эмоциональном* уровне, а, следовательно, и толерантности, может и не быть.

Рассмотрим **стратегии, характеризующие отношение принимающего населения к мигрантам.** Как видно из табл. 1 большинство респондентов предпочитают «Мультикультурализм» (4,1 балла) - стратегию наиболее благоприятную как для мигрантов, так и для принимающего населения. Практически не предпочитается респондентами стратегия «Исключение» (1,7 балла). В одинаковой мере мало предпочитают респондентам стратегии «Сегрегация» (2,2 балла) и «Плавильный котел» (2 балла).

На рис. 3, в виде круговой диаграммы представлено соотношение стратегий, характеризующих отношение жителей г. Москвы к инокультурным мигрантам.

Рис. 3. Соотношение стратегий, характеризующих отношение жителей г. Москвы к инокультурным мигрантам

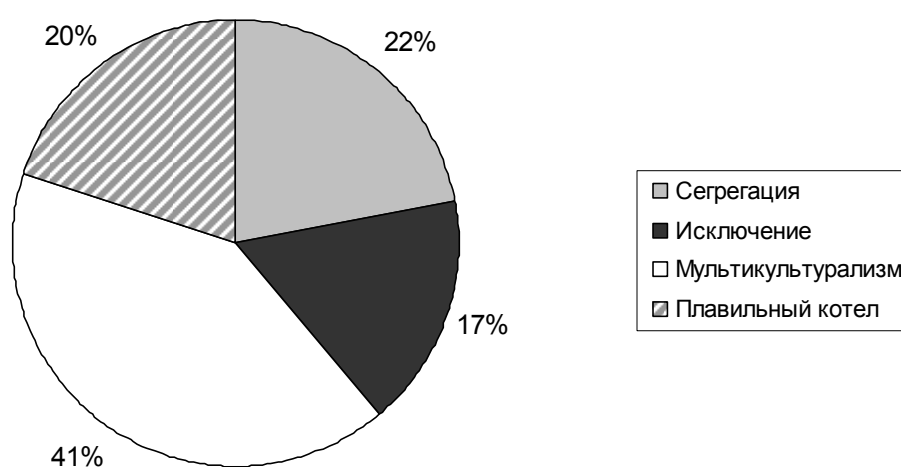

Диаграмма показывает, что наибольший сектор приходится на стратегию «Мультикультурализм». С одной стороны, это позитивная тенденция, но не стоит забывать, что около 59% остальных выборов приходится на три другие стратегии «Плавильный котел», «Сегрегация» и «Исключение», которые считаются менее благоприятными для толерантных межэтнических отношений в поликультурном обществе. Поэтому необходима дальнейшая работа по формированию у принимающего населения г. Москвы мультикультурных установок.

2. Взаимосвязи интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с отношением к мигрантам

Для выявления взаимосвязей показателей, характеризующих интегральную безопасность и воспринимаемую угрозу русских, с их отношением к мигрантам

использовался множественный регрессионный анализ. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2. Далее на рис. 4 в виде схемы изображены все обнаруженные и отмеченные в табл. 2 взаимосвязи.

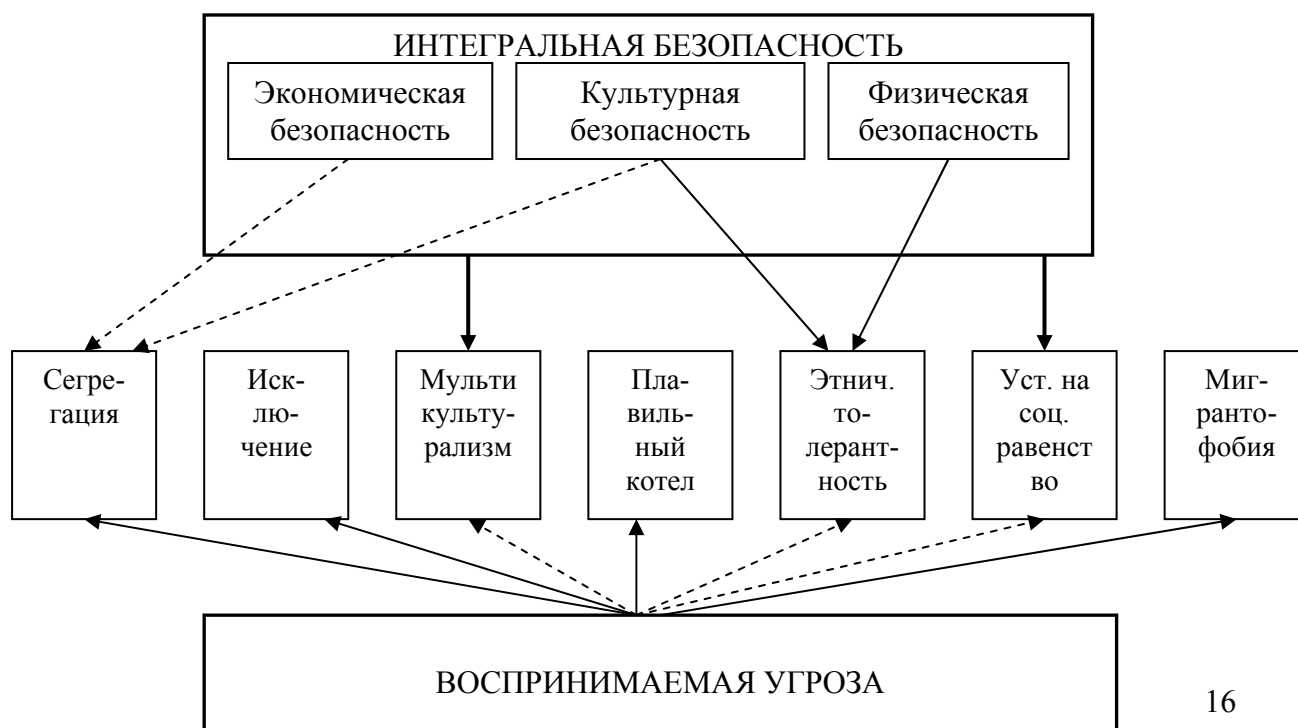
Табл. 2. Взаимосвязь интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с межэтническими установками

<i>Межгрупповые установки</i>	культурная безопасность	экономическая безопасность	физическая безопасность	интегральная безопасность	Воспринимаемая угроза	R ²	F
Сегрегация	-.14**	-.12*			.10*	.05	6.8***
Исключение					.27***	.07	32.8***
Мультикультурализм				.15	-.25***	.09	16.1***
Плавильный котел					.16***	.03	10.9***
Этническая толерантность	.20***		.14**		-.13**	.10	15.1***
Установка на социальное равенство				.13**	-.20***	.06	13.7***
Мигрантофобия				-.18***	.14**	.06	13.5***

Уровень достоверности: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Итак, при анализе результатов, обратимся к рисунку 4. Как видно на рисунке, существуют взаимосвязи компонентов интегральной безопасности, а также всего этого конструкта в целом с установками и стратегиями и межкультурного взаимодействия.

Рис. 4. Схематическое изображение взаимосвязей интегральной безопасности и воспринимаемой угрозы с межэтническими установками

Обозначения:

- > Положительные связи;
-----> Отрицательные связи.

Экономическая и культурная безопасность принимающего населения препятствуют выбору такой стратегии, как «Сегрегация». При отсутствии экономической и культурной безопасности, принимающее население, вероятно, будет стремиться «вытолкнуть» мигрантов из своей среды, поощряя самостоятельность их проживания и не предпринимая никаких мер для их адаптации. *Культурная и физическая безопасность* принимающего населения способствуют этнической толерантности.

В целом, наличие *интегральной безопасности* принимающего населения положительно связано с выбором такой стратегии, как «Мультикультурализм» и установкой на социальное равенство. Таким образом, наличие интегральной безопасности принимающего населения благоприятно сказывается на его отношениях с мигрантами, а также способствует принятию и интеграции их в свою среду.

Воспринимаемая угроза связана со всеми стратегиями и установками по отношению к инокультурным мигрантам. Опираясь на выявленные взаимосвязи, можно отметить, что воспринимаемая угроза русских г. Москвы может иметь следующие эффекты в отношении к мигрантам:

- способствовать ориентации принимающего населения на стратегии «Сегрегация», «Исключение», «Плавильный котел»;
- препятствовать реализации стратегии «Мультикультурализм»;
- препятствовать этнической толерантности и установкам на социальное равенство;
- способствовать развитию у принимающего населения мигрантофобии.

Таким образом, наличие воспринимаемой угрозы у принимающего населения имеет значительные негативные эффекты для адаптации мигрантов в поликультурном мегаполисе и будет сильно затруднять ее.

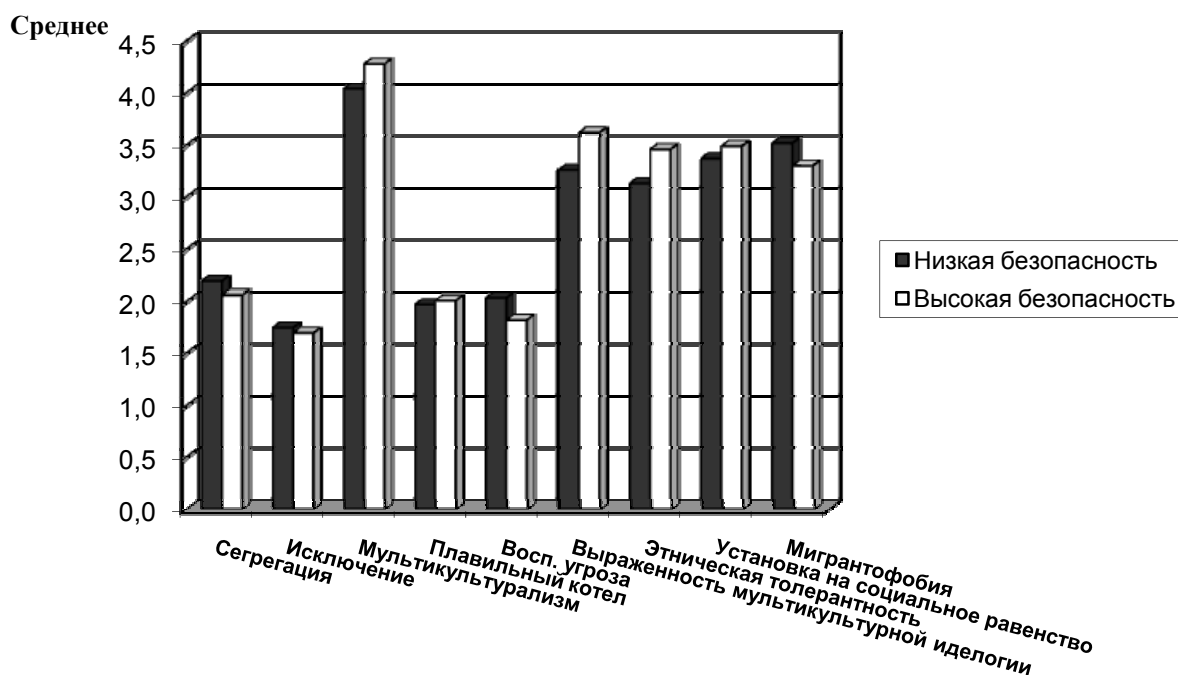
3. Отличия людей, характеризующиеся разными уровнями интегральной безопасности

Отметив, насколько важным является базовое чувство безопасности принимающего населения для адаптации мигрантов, зададимся вопросом: что же отличает между собой людей с высокими и низкими показателями интегральной безопасности? Для ответа на этот вопрос в выборке были выделены две контрастные группы – респонденты с низкими показателями интегральной безопасности (индекс варьировал от 1,8 до 2,6 баллов) и респонденты с высоким уровнем интегральной безопасности (индекс варьировал от 3,3 до 4,3 баллов). В каждой контрастной группе было по 100 респондентов.

Далее были сопоставлены средние значения всех показателей представителей данных подгрупп. Статистическая значимость (неслучайность) обнаруженных различий оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента.

На рисунке 5 в виде гистограммы приводятся различия в группах с высоким и низким уровнями интегральной безопасности.

Рис. 5. Различия в группах с высоким и низким уровнями интегральной безопасности

Будем говорить только о достоверных различиях из всех тех, которые видны на гистограмме. Люди, характеризующиеся более высокими показателями интегральной безопасности, имеют более высокие показатели ориентации на стратегию

«Мультикультурализм» ($p < 0.05$), у них ниже воспринимаемая угроза ($p < 0.05$), они в большей степени разделяют мультикультурную идеологию ($p < 0.001$), у них выше этническая толерантность ($p < 0.01$), и ниже мигрантофобия ($p < 0.05$).

Итак, представители принимающего населения, имеющие высокий уровень интегральной безопасности и низкий уровень воспринимаемой угрозы, в более значительной мере разделяют идеологию мультикультурализма и имеют более толерантные межэтнические установки. Важно заметить, что воспринимаемая угроза и интегральная безопасность – конструкторы психологические и очень субъективные. То есть реальной угрозы от мигрантов может не исходить, а принимающее население будет их все равно опасаться мигрантов в силу их «инаковости» - то есть угроза исключительно *воспринимаемая*. Этот феномен связан с т.н. межгрупповой тревожностью (Stephan & Stephan, 2000). Людям свойственно испытывать страх и беспокойство при контакте с представителями других групп за исход этого контакта. Способов снижения межгрупповой тревожности не так много. Это, прежде всего, позитивные контакты с представителями иноэтнических групп, в результате которых люди понимают, что беспокоиться не о чем. Либо это межкультурное обучение и просвещение представителей принимающего населения, что тоже снижает тревожность. Думаю, что Правительству Москвы следует обратить особое внимание именно на второй способ.

4. Степень принятия русскими представителей различных этнических групп

Для определения того, как воспринимают русские представителей различных этнических групп, которые их окружают, использовалась методика под названием «Градусник». Респондентов просили оценить свое отношение к различным группам мигрантов, используя шкалу, подобную термометру. «Термометр» имеет деления от 1 до 100. Если благоприятное отношение к какой либо группе, то присуждается любое количество «градусов» в диапазоне от 50 до 100, и, наоборот, при неблагоприятном отношении группе присуждается от 0 до 50 «градусов». Этнические группы для оценки респонденты указывали сами – те, которые вспомнят, но не более 10. В таблице № 3 приводятся результаты оценки русскими своего отношения к представителям окружающих их этнических групп.

Табл. 3. Отношение принимающего населения г. Москвы к различным группам мигрантов

Ранг	Этническая группа	Среднее значение «градуса»	Частота упоминаний
1	Русские	89,01	170
2	Белорусы	72,15	62
3	Евреи	71,94	66
4	Немцы	71,39	33
5	Армяне	68	176
6	Татары	64,97	73
7	Казахи	64,61	39
8	Осетины	62,5	15
9	Дагестанцы	61,94	14
10	Корейцы	61,81	16
11	Грузины	60,5	165
12	Украинцы	58,05	86
13	Якуты	57,83	14

Заметим, что в данной работе мы рассматриваем только те группы, к представителям которых русские респонденты выразили позитивное отношение (свыше 50 «градусов»). Группы, получившие негативную оценку (менее 50 «градусов»), в данной статье рассматриваться не будут.

Итак, можно сказать, что результаты опроса, приведенные в таблице 3, отражают этностатусную иерархию русских, точнее ее позитивный полюс. Возглавляют ее, как и ожидалось русские – своя группа ближе всего, а замыкают якуты – группа, с представителями которой русские Москвы контактируют чрезвычайно редко. В первых рядах этой иерархии, наряду с русскими, находятся белорусы, евреи, немцы. Белорусы попали не второе место, поскольку они мало чем отличаются от русских: антропологически, культурно, общая история, кроме того Белоруссия в настоящее время в союзе с Россией.

За белорусами следуют евреи. В целом позитивное отношение москвичей к евреям отмечали и другие авторы. Например, в исследовании, проведенном около 2-х лет назад, отмечалось следующее. «Наиболее предпочтительным для горожан был приезд в их город украинцев (38% голосов), на втором и третьем местах с довольно большим отрывом стояли татары (19%) и евреи (15%). ... Интересно, что молодежь чаще выбирала татар, а старшее поколение - евреев. В известной мере это можно объяснить тем, что в последние годы произошел заметный социально-культурный рост московских татар, что не могли не заметить люди сравнительно молодого возраста, многие из которых работали или учились вместе с представителями этой национальности. В свою очередь евреи особо ценились людьми старшего возраста на их успешную деятельность в культуре и медицине» (Остапенко, Субботина, 2007, с. 171-172).

Почему немцы попали тоже в первую четверку? Вероятно, в силу того, что поколение нынешней молодежи и их родители позитивно относятся к немцам за их вклад в науку и культуру, за экономическую успешность, а представители поколения, которое воевало с немцами, нами не опрашивались.

Интересно, что если в приводимом выше исследовании, украинцы были наиболее предпочитаемой группой, то в нашем исследовании представители этой группы находятся на 12-ом месте. То, что перед украинцами на 11-ом месте находятся грузины, наводит на определенные мысли. Отношение людей к представителям этнических групп, зависит не только от их собственных социальных представлений и опыта контакта с представителями этих групп. Большое значение в формировании межэтнических отношений играет СМИ. И если чрез СМИ подается образ Украины и Грузии как весьма недобросовестных стран, с проамериканским руководством, и не любящих Россию и русских, то и отношение москвичей к представителям этих стран, в конечном итоге, получается соответствующее.

Еще один важный показатель – частота упоминания (то есть, сколько человек эту группу вспомнили и оценили) представителей этнической группы респондентами. По частоте упоминания кроме русских (себя, конечно, вспоминают почти все) «лидируют» армяне, грузины и украинцы. Вероятно, что такая частота упоминания связана с рядом факторов. Первый - это частота встречаемости представителей данной этнической группы в окружении москвичей. Второй - длительность проживания. Грузины, армяне, украинцы живут в Москве уже несколько поколений. Поэтому многие люди контактировали с ними, и легко вспоминают представителей данных групп. Наименьшая частота упоминания - у дагестанцев, осетин, якутов. Представители этих групп недавно стали приезжать в Москву, их численность в Москве относительно невелика. Поэтому частота контактов москвичей с представителями этих групп низка, и, как следствие, они реже вспоминаются при оценке.

Выводы

1. Русские г. Москвы не обладают базовым чувством безопасности в ситуации притока инокультурных мигрантов. Особенно низки физическая безопасность (отсутствие опасения за свое здоровье) и экономическая безопасность (отсутствии боязни сильной конкуренции за рабочие места). Культурная безопасность (уверенность в сохранности собственной культуры) тоже

страдает, но меньше. Результаты свидетельствуют в пользу того, что принимающее население испытывает повышенную тревожность при притоке инокультурных мигрантов, особенно опасается за физическую и экономическую безопасность. Но реальной угрозы, исходящей от мигрантов практически нет.

2. Показатели русских по мигрантофобии и этнической толерантности выше средних. Эти результаты говорят о том, что мигрантофобия у принимающего населения несколько повышена. Однако повышенная мигрантофобия сопряжена с, пусть не совсем высокой, но и не низкой толерантностью русских.
3. При построении взаимоотношений с мигрантами, наибольшее предпочтение жителями г. Москвы отдается стратегии «Мультикультурализм». С одной стороны это позитивная тенденция, однако, более половины остальных выборов приходится на три другие стратегии «Плавильный котел», «Сегрегация» и «Исключение», которые считаются менее благоприятными для толерантных межэтнических отношений в поликультурном обществе. Поэтому необходима дальнейшая работа по формированию у принимающего населения г. Москвы мультикультурных установок.
4. Экономическая и культурная безопасность принимающего населения препятствуют выбору такой стратегии, как «Сегрегация». Культурная и физическая безопасность принимающего населения способствуют этнической толерантности. В целом, наличие интегральной безопасности принимающего населения положительно связано с выбором такой стратегии, как «Мультикультурализм» и установкой на социальное равенство. Наличие интегральной безопасности принимающего населения благоприятно сказывается на его отношениях с мигрантами, а также способствует принятию и интеграции их в свою среду.
5. Наличие воспринимаемой угрозы по отношению к мигрантам может иметь следующие эффекты: а) способствовать ориентации принимающего населения на стратегии «Сегрегация», «Исключение», «Плавильный котел»; б) препятствовать реализации стратегии «Мультикультурализм»; в) препятствовать этнической толерантности и установкам на социальное равенство; г) способствовать развитию у принимающего населения мигрантофобии.

6. Представители принимающего населения, имеющие высокий уровень интегральной безопасности и низкий уровень воспринимаемой угрозы, в более значительной мере разделяют идеологию мультикультурализма и имеют толерантные межэтнические установки.
7. Среди москвичей наблюдается, в целом, позитивное отношение к представителям следующих этнических групп (в порядке убывания): белорусы, евреи, немцы, армяне, татары, казахи, осетины, дагестанцы, корейцы, грузины, украинцы, якуты.

Литература

1. Бадыштова И.М. Истоки интолерантности россиян к мигрантам // Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг: Материалы международной конференции. Ставрополь-Домбай, 25-30 сентября. М.- Ставрополь. 2005. С. 117.
2. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / под. Ред. Дж. Бери, А. Пуртинга, М. Сигала, П. Дансена. Харьков, 2007.
3. Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук, М., 1999.
4. Остапенко Л.В. Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы иммигранты: вместе или рядом? М., 2007.
5. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. М.: Изд-во «Смысл», 2001. С. 25-39.
6. Попков В. Феномен этнических диаспор. М., 2003.
7. Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Изд-во КубГУ. 1997. 172 с.
8. Триандис Г. Культура и социальное поведение. М. 2007.
9. Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. С. 657-709.
10. Юдина Т.Н. Социология миграции. М., 2004. С. 232.

11. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. by. S. Osofsky: Lawrence Erlbaum associates, Mahwah, New Jersey, 2000. P. 23-44.
12. Moghaddam F.M Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // Ethnic Psychology: Research and Practice with Immigrants, Refugees, Native Peoples, Ethnic groups and Sojourners. Amsterdam; Lisse, 1988. P. 69-77.
13. Stephan W.G., Stephan C.W. Improving intergroup relations. Sage Publications., 2001.